

Новейшая история России

УДК 947.084.2

Макутчев А.В.

ТУЛЬСКИЙ ГУБЕРНСКИЙ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТРИБУНАЛ В 1918-1923 ГГ.: ПРОБЛЕМЫ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Аннотация. Статья посвящена изучению начального периода становления и развития Советского государства. На примере Тульской губернии рассмотрен процесс создания новой судебной системы, выявлены особенности условий работы, компетенции, представлены характеристики кадров и обобщены статистические сведения, характеризующие деятельность Тульского губревтрибунала в годы Гражданской войны.

Ключевые слова: революционный трибунал, судебная система, Гражданская война.

Тема трибунальной юстиции периода гражданской войны все чаще оказывается в сфере внимания историков. Интерес к этой тематике в исторической науке возник в 20-е гг. XX в. и был поддержан работами советских историков и юристов, старавшихся систематизировать опыт функционирования ревтрибуналов [1]. Исследователей интересовали ревтрибуналы как часть судебной системы в целом: их задачи, место в иерархии правоохранительных органов и т.д. Статистические показатели работы трибуналов, характеристика их кадрового состава зачастую оставались вне поля зрения [2].

Попытки восполнить эти пробелы предпринимаются с начала 90-х гг., когда деятельность революционных трибуналов стала предметом междисциплинарных исследований. Историки исследуют революционный трибунал как особый институт государственной власти, показатели деятельности которого (количество рассмотренных дел и зафиксированных преступлений, социальный портрет осужденных) дают важные сведения для составления картины политической и социально-экономической обстановки в регионе и в стране в целом. Юридическая наука рассматривает революционные трибуналы как органы чрезвычайного правосудия, анализ деятельности которых позволяет рассмотреть степень эффективности судебной системы, обоснованность и

эффективность применения конкретных мер по борьбе с преступностью [3].

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать деятельность региональных революционных трибуналов по материалам Тульской губернии; выявить их компетенцию и направления деятельности, определить механизм отправления чрезвычайного правосудия на местах. Источниковую базу исследования составили впервые вовлекаемые в научный оборот архивные данные Государственного архива Тульской области. Они содержат статистические и делопроизводственные документы: описи дел, реестры осужденных, стенограммы заседаний, отчеты о деятельности, переписку с центральными органами власти, анкетные данные о сотрудниках трибунала.

Система революционных трибуналов была сформирована в 1918 г. Декрет о суде от 24 ноября 1917 г. поделил всю судебную систему на три ветви: суды общей юрисдикции (народные суды); революционные военные трибуналы; территориальные революционные трибуналы. Народные суды рассматривали гражданские и уголовные дела о должностных и общеуголовных преступлениях – взяточничестве, кражах и т.п. [4]. Революционные военные трибуналы были призваны бороться с воинскими преступлениями – дезертирством, уклонением от призыва. Революционные трибуналы, согласно Положению о революционных трибуналах, представляли собой «чрезвычайные суды для борьбы с контрреволюционными преступлениями» [5].

В Тульской губернии Революционный трибунал (ТГРТ) был образован 27 января 1918 г. Его компетенция была очерчена Декретом о суде рамками «борьбы против контрреволюционных сил, решения дел о мародёрстве и хищничестве, саботаже и прочих злоупотреблениях торговцев, промышленников, чиновников и пр. лиц» [6]. Однако на практике трибунал рассматривал дела не только о контрреволюционных преступлениях (восстаниях,

---

* © Макутчев А.В.

саботаже), но и о должностных (взяточничестве, растратах, хищениях), воинских (дезертирстве, уклонении от призыва) и общеуголовных преступлениях (разбое, кражах, хулиганстве) [7]. Из 5 470 дел, рассмотренных ТГРТ в 1918-1923 гг., 1 368 дел (25%) касались контрреволюционных преступлений, 2 118 (39,5%) – должностных, 1 352 (25%) – воинских, 630 (11,5%) – общеуголовных [8]. Чем объяснить тот факт, что орган борьбы с контрреволюцией рассматривал дела, не относящиеся к его компетенции? Во-первых, система общих (народных) судов в 1918 г. только начала формироваться, работников не хватало (лучших сотрудников направляли в ревтрибуналы и ЧК) [9]. В Тульской губернии народные суды были образованы только к 1 февраля 1919 г., и в этой ситуации уголовными преступлениями, кроме ревтрибуналов, заниматься было некому. Во многих регионах создание трибуналов опережало создание народных судов, причиной чему была заинтересованность местных властей в условиях Гражданской войны именно в чрезвычайных органах правосудия [10]. По замечанию П.И. Стучки, «трибуналы в провинции стали чрезвычайно популярны, они были повсюду и местами стали монополистами правосудия, единственной судебной властью» [11].

Во-вторых, законодательство четко не разграничивало полномочия ревтрибуналов и общих судов, что мешало определению подсудности дел. Сохранились донесения, в которых Тульский ревтрибунал обращался к центральным органам власти с просьбами о разграничении компетенции с другими правоохранительными и судебными органами губернии [12]. Однако четких указаний о квалификации преступлений из центра не поступало, что толкало местные ревтрибуналы к самостоятельности. Так, Смоленский ревтрибунал в категорию общеуголовных преступлений включал антисемитизм и в 1919 г. осудил за него трех крестьян [13]. Воронежский ревтрибунал относил к общеуголовным преступлениям мародерство, в то время как Тульский ревтрибунал считал мародерство воинским преступлением [14]. Многие преступления в той или иной степени содержали в себе признаки контрреволюционности, что становилось причиной их рассмотрения именно ревтрибуналами, а не общими судами. Так, должностные преступления (взяточничество, растраты) приводили к расхищению государственной собственности и дискредитировали власть в глазах населения.

Слабость законодательной базы усугублялась неясностью подотчетности ревтрибуналов. Тульский ревтрибунал формально подчинялся Наркомату юстиции в лице Тульского губернского отдела юстиции, но на деле был подотчетен Совету. Председатель ТГРТ, его заместители и следователи избирались Советом на 3 месяца и могли быть

отозваны им до истечения срока [15]. Совет нередко вмешивался в дела ревтрибунала, требуя, к примеру, смягчения наказания или освобождения от ответственности партийных работников под предлогом их «ценности» [16]. Это подчеркивает высокий уровень зависимости ревтрибуналов от местных партийных органов. С одной стороны, это должно было обеспечить единство карательной политики, с другой – превращало независимость судей в фикцию, что приводило к субъективности в их работе.

Внутренняя структура ТГРТ включала в себя 4 отдела, выделенных по принципу разделения полномочий: общий, налоговый, дезертирский и выездной. Общий отдел организовывал судебные заседания, вел реестры поступавших дел, готовил отчеты о деятельности и сообщался с центральными органами судебной власти. В сферу компетенции налогового отдела входили преступления, связанные с неуплатой продналога и укрывательством хлеба. Военный отдел боролся с преступлениями военнослужащих, дезертирством и укрывательством дезертиров. В задачи выездного отдела входило разрешение дел об аграрных беспорядках и массовом дезертирстве с выездом сотрудников в уезды и волости, где квалифицированных кадров не хватало. При ревтрибунале была образована Следственная комиссия из шести человек, избираемых Советом; функции защиты и обвинения осуществляла Коллегия правозащитников [17].

Деятельность ТГРТ в 1918-1923 гг. была обусловлена обстоятельствами Гражданской войны и общей обстановкой в губернии. 25% от всех рассмотренных трибуналом дел составляли дела о «контрреволюционных преступлениях». Четких разъяснений о трактовке этого понятия на места не поступало, поэтому провинциальные трибуналы трактовали его по-разному. К примеру, Смоленский трибунал к контрреволюционным преступлениям относил дезертирство и злоупотребление властью [18]. Тульский ревтрибунал в этот разряд включал антисоветскую агитацию, крестьянские восстания и политический бандитизм (убийства должностных лиц) [19]. Волна крестьянских волнений не стихала в губернии на протяжении 1919-1921 гг.: каждое второе дело о контрреволюции в этот период касалось восстаний в деревне [20]. Волнения нередко сопровождалась расправами над должностными лицами: только за лето 1919 г. в губернии было убито 63 чиновника, в их числе – 22 председателя волостных и уездных исполкомов [21]. К массовым выступлениям приводило недовольство крестьян реквизициями и продразверсткой, а также крестьян-дезертиров, не желавших возвращения на фронт. Определить реальных зачинщиков восстаний было почти невозможно, поэтому обычным наказанием было наложение

контрибуций на целые волости [22].

58,5% всех рассмотренных ТГРТ дел составляли дела о должностных преступлениях – взяточничестве, растратах, хищениях и злоупотреблении властью. Эта категория преступлений получила широкое распространение в среде губернского чиновничества: среди осужденных в 1918-1923 гг. за эти преступления были военные и продовольственные комиссары, милиционеры, рядовые чиновники и два губернских комиссара финансов [23]. Факты получения взяток, растрат и разгульного образа жизни зачастую были связаны с невысоким уровнем дохода советского чиновника: средний оклад трибунального работника в ноябре 1918 г. составлял 300 руб. (в ценах того времени буханка ржаного хлеба стоила 18 руб., зимнее пальто - 750 руб.) [24]. Современники объясняли должностные преступления социальным происхождением. Большинство чиновников происходили из беднейших крестьян, которые до того не имели доступа к деньгам и дорогим вещам, поэтому при поступлении на службу соблазн украсть казенные деньги и «пожить на широкою ногу» был очень велик [25].

Под воинскими преступлениями ревтрибунал понимал в первую очередь дезертирство, которое охватывало все формы уклонения от военной службы: «самовольное оставление поля боя или полка, неявку на призывные пункты, уклонение другими способами» [26]. За время работы ТГРТ за дезертирство было осуждено около 6 тысяч человек – 35% от числа всех осужденных. Дезертиры, в массе своей крестьяне, частью вступали в банды, частью – возвращались в свои села, где на них устраивали «облавы» члены комиссий по борьбе с дезертирством. Обычным наказанием для дезертира был условный (вступал в силу в случае повторного дезертирства) приговор к заключению в концлагерь с последующей отправкой на фронт [27]. На фронте люди были нужнее, чем в тюрьмах. Широко практиковалась такая мера наказания, как направление в штрафную роту с условным смертным приговором. ТГРТ только в 1919 г. вынес 150 подобных приговоров [28]. Фактически эти приговоры в исполнение не приводились – осужденные либо искупали свою вину, либо погибали в боях [29]. Обилие условных приговоров указывает на то, что в деятельности ревтрибуналов на первый план выходила не суровость наказания, а его пропагандистское и воспитательное воздействие. Так, расстрел дезертиров Тульским ревтрибуналом применялся редко и только по отношению к рецидивистам. В Туле с января по июль 1919 г. было осуждено 198 дезертиров-рецидивистов, расстреляно – 8 (4%) [30].

Четвертым направлением деятельности губревтрибунала являлась борьба с общеуголовными

преступлениями (11% от всех разрешенных трибуналом дел) [31]. Само по себе рассмотрение ТГРТ общеуголовных дел, формально ему не подсудных, можно объяснить дефицитом кадров в общих судах, которые и должны были заниматься этой категорией преступлений. Характерно, что ревтрибунал вынес приговоры лишь по 15% подобных дел, остальные дела были признаны «маловажными» и были переданы в народные суды [32]. Это подчеркивает особый статус ревтрибуналов в условиях военного времени: они были выше народных судов, и дела поступали в первую очередь в трибуналы, где и проходила их сортировка.

В условиях отсутствия четкой законодательной базы, «чрезвычайщины» периода гражданской войны особую значимость для отправления правосудия приобретала личность сотрудника ревтрибунала. Не получая указаний сверху, трибунальным служащим приходилось разрешать дела на основе собственных юридических познаний. При этом государство слабо регламентировало порядок найма и требования к сотрудникам ревтрибунала, что можно объяснить ситуацией «кадрового голода» – недостатка квалифицированных и опытных кадров. Значительная часть сотрудников приходила в ТГРТ в возрасте 26-30 лет, имея за спиной небольшой опыт трудовой деятельности, обычно гражданской: в качестве булочников, слесарей, конторщиков. Лишь 25% следователей трибунала ранее имели опыт работы в суде либо готовились к юридической практике, получив юридическое образование [33]. Эта ситуация была характерна для системы комплектования трибунальных кадров: главными требованиями к сотрудникам были не образование и опыт работы, а партийность и пролетарское происхождение. Представитель Воронежского губисполкома в мае 1918 г. писал местному Совету: «Весь следственный персонал ревтрибунала состоит из обывателей-беспартийных. Такое явление недопустимо. Обывательская буржуазная интеллигенция ведет следствие и судит партийных товарищей» [34].

Уровень образования тульских трибунальных работников был несколько выше, чем в соседних губерниях (53% служащих ТГРТ имели среднее образование, 26% – высшее, остальные – начальное; служащие Смоленского ревтрибунала – соответственно 27%, 11% и 62%, Нижегородского – 9%, 10% и 81%) [35]. Из 156 сотрудников ревтрибунала 32 человека (20,5%) проработали в трибунальной структуре не больше месяца, 43 (28%) – от одного месяца до трех. Лишь 6 сотрудников (4%) проработали в ТГРТ более 2 лет [36]. Следствием подобной текучки было затягивание судопроизводства, поскольку новому сотруднику требовалось время, чтобы войти в курс дела (в среднем одно дело рассматривалось в ревтрибунале 4-5 месяцев), и

ошибки при ведении следствия.

В Тульском ревтрибунале 85% следователей были коммунистами, социальное происхождение также было однородным – крестьяне и рабочие. Исследователи по этому поводу отмечали, что «классовый состав работников соответствовал направленности деятельности ревтрибунала – судить контрреволюционные слои (буржуазию, дворянство)» [37]. Однако на практике классовый принцип не действовал – основную массу осужденных составляли крестьяне и рабочие. В 1919 г. из 650 человек, осужденных Тульским трибуналом, 543 были крестьянами (83%), 42 – рабочими (6,5%) и 65 (11,5%) относились к интеллигенции, в графе «буржуазия» был прочерк [38].

В целом в 1918-1923 гг. Тульский губревтрибунал проделал большую работу по борьбе с преступностью в регионе, рассмотрев более 5 тысяч дел, и был закрыт в феврале 1923 г. В соответствии с судебной реформой 1922 г. вся подсистема революционных трибуналов как чрезвычайных судов в связи с окончанием Гражданской войны упразднялась. Функции ревтрибуналов и все находившиеся в производстве дела о контрреволюционных и общеуголовных преступлениях передавались соответственно в Губчека и народные суды [39]. Опыт, накопленный ревтрибуналами, кадровый состав, перешедший работать в судебные и правоохранительные органы, оказали влияние на развитие советского суда в 30-е гг. XX в.

Таким образом, рассмотрение деятельности Тульского губернского ревтрибунала позволяет выявить особенности всей системы революционных трибуналов Советской России:

1) компетенция ревтрибуналов на практике была шире заявленной законодательством. Они брали на себя рассмотрение не только контрреволюционных, но и должностных, воинских и общеуголовных преступлений. Это было обусловлено законодательной неразграниченностью компетенции ревтрибуналов и других правоохранительных структур регионов;

2) ревтрибуналы находились в зависимости и под контролем местных партийных органов, что стало одним из проявлений формировавшегося однопартийного режима большевистской диктатуры;

3) деятельность трибуналов зависела от экономической и политической ситуации на местах, что обуславливало специфику деятельности ревтрибуналов в каждом регионе. Эффективность ревтрибуналов в борьбе с преступностью также определял уровень подготовленности кадров, который во многих регионах был невысок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крыленко Н. Революционные трибуналы // Вестник жизни. 1918. №1; Стучка П. Первые революционные

- трибуналы в России. // Пять лет Верховного суда. 1918-1923. Сб.ст. М., 1923; Рогинский Т. К вопросу о личном составе и репрессиях ревтрибуналов. // Еженедельник советской юстиции. 1922. № 13; Берман Я. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 01-(11).
2. Родин Д. Революционные трибуналы в 1920-1922 гг. // Вестник статистики. М., 1989; Титов Ю.П. Развитие системы советских революционных трибуналов. М., 1987; Смирнов Н.Г. Высшие суды революции. 1918-1922 гг. М., 1990.
3. Перцев В.А. «Именем революции!»: из истории создания и деятельности Воронежского губернского революционного трибунала в 1917-1923 гг. // Вестник ВГУ. 2008. №1; Абрамов В.В. Создание и деятельность местных революционных трибуналов (1918-1922 гг.): По Пензенской губернии: дис... канд. ист. наук. Пенза, 2004; Федоренко П.П. Революционные трибуналы Смоленской губернии (декабрь 1917-1922 гг.): дис... канд. ист. наук. – Смоленск, 2006; Кострова О.В. Судебные преобразования в России в 1917-1922 гг. (на примере Нижегородской губернии): дис... канд. ист. наук. – Владимир, 2008.
4. Кожевников М.В. История советского суда. 1917-1956 гг. М., 1957/
5. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России. М., 1990.
6. Декреты Советской власти. М., Т. 3. С. 124-126.
7. Государственный архив Тульской области (далее: ГАТО). Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2122. Л. 17-20, 22-24.
8. Там же. Д. 2130. Л. 34-50; Д. 2134 Л. 30-33; Д. 841 Л. 3-19.
9. Там же. Д. 841. Л. 72-73; Д. 780. Л. 25-26.
10. Портнов В.П., Славин М.М. Указ. соч.
11. Стучка П. Указ. соч.
12. ГАТО. Ф. 717. Оп. 1. Д. 230. Л. 11; Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2122. Л. 17-20, 22-25, 31-34; Д. 2134. Л. 18-21.
13. Федоренко П.П. Указ. соч.
14. Перцев В.А. Указ. соч.
15. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 1826. Л. 84-86; Д. 2134. Л. 11-19.
16. Там же. Д. 2134. Л. 14, 17-22; Д. 841. Л. 32-38; Д. 2122. Л. 17-22.
17. Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 230. Л. 66-69, 73-83.
18. Федоренко П.П. Указ. соч.
19. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2134. Л. 42-45; Д. 565. Л. 38, 44-48.
20. Там же. Д. 2122. Л. 3-13; Д. 2130. Л. 45-49.
21. Там же. Д. 780. Л. 14-15, 17-19, 22-25.
22. Там же. Д. 2130. Л. 11-18, 22-24; Д. 780. Л. 25-28.
23. Там же. Д. 2118. Л. 121-123; Д. 2130. Л. 19-22.
24. Там же. Д. 2122. Л. 17-20, 22-27.
25. Там же. Д. 2130. Л. 45-58; Д. 565. Л. 25-26, 33-36.
26. Там же. Д. 2130. Л. 52-53.
27. Там же. Д. 2127. Л. 60-62; Д. 841. Л. 134-137.
28. Там же. Д. 2122. Л. 30-34.
29. Перцев В.А. Указ. соч.
30. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 780. Л. 22-25, 42-46; Д. 2127. Л. 66-68.
31. Там же. Д. 2130. Л. 19-20.
32. Там же. Ф. 717. Оп. 1. Д. 229. Л. 16, 22-29; Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2130. Л. 31-33.
33. Там же. Д. 565. Л. 25, 27-33; Д. 2130. Л. 19-23.
34. Перцев В.А. Указ. соч.

35. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2130. Л. 93-95; Федоренко П.П. Указ. соч.; Кострова О.В. Указ. соч.
 36. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 2127. Л. 66-68; Д. 2118. Л. 125-130.
 37. Смирнов Н.Г. Указ. соч.
 38. ГАТО. Ф. 1963. Оп. 1. Д. 849. Л. 23-40.
 39. Там же. Д. 2122. Л. 93-95; Ф. 717. Д. 230. Л. 22-24.

A. Makutchev
 ACTIVITY OF REVOLUTIONARY TRIBUNAL OF
 THE TULA PROVINCE IN 1918-1923

Abstract. The article is devoted to the investigation of the beginning period of establishing and development of the Soviet Union. On the example of Tula province the process of creation of the new judicial system is analyzed. The author shows features of working conditions, the competence, the characteristic of employees and the statistic of activity of the Tula provincial revolutionary tribunal in the years of Civil war.

Key words: revolutionary tribunal, the judicial system, the Civil war.

УДК 94 (470. 332) «1918 / 1920»

Якушев П.А.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ОРГАНИЗАЦИИ И РАЗВИТИЮ КОЛЛЕКТИВНОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ СМОЛЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)*

Аннотация. В статье на основе не опубликованных ранее архивных материалов рассматривается (на примере Смоленской губернии) финансовая политика Советской власти по поддержке коллективных хозяйств. Автор делает вывод о том, что цели этой политики в немалой степени не были достигнуты из-за масштабных трат на содержание советской бюрократии и осевших в финансовых структурах губернии крупных суммах «неизрасходованных средств».

Ключевые слова: смета, кредитование, Миллиардный фонд, коллективные хозяйства, финансовая политика.

«Коммунизация» сельского хозяйства являлась главной целью аграрной политики большевиков в годы «военного коммунизма», в связи с чем организации коммун и артелей новая власть придавала огромное значение и потому оказывала им масштабную поддержку.

В целях налаживания финансовой поддержки коллективных хозяйств Советское правительство приняло ряд постановлений. Так, 2 июля 1918 года Совнарком утвердил постановление «Об утверждении проекта декрета об отпуске средств на мероприятия по поддержке земледельческих коммун» [1]; 3 июля увидело свет постановление «Об ассигновании 10 миллионов рублей на мероприятия по развитию земледельческих коммун» [2]; 3 августа – «Об ассигновании Наркомзему 50 миллионов рублей для выдачи ссуд местным исполнительным комитетам на нужды земельных органов и организацию земледельческих коммун» [3]; 24 августа – Народным Комиссариатом Земледелия

были утверждены «Правила выдачи ссуд сельскохозяйственным производственным коммунам» [4; 5, 13-14].

Новая власть выделяла коллективным хозяйствам большие кредиты на покупку скота, инвентаря, семян, ремонт помещений и т. д. Так, к октябрю 1918 г. Западная область (в состав которой тогда входила Смоленская губерния) получила от государства для выдачи ссуд коммунарам 500 тысяч рублей, что составляло 1/13 долю всех средств, выданных государством коммунам страны.

Кредитование коллективных хозяйств приобрело ещё больший размах после принятия 2 ноября 1918 г. декрета Совета Народных Комиссаров об образовании специального фонда «в размере одного миллиарда рублей для выдачи пособий и ссуд на мероприятия по улучшению сельского хозяйства» [6, 70].

К началу 1919 г. подавляющее большинство коллективных хозяйств Смоленской губернии находились в тяжёлом экономическом положении, и с целью оказания им финансовой помощи большевики направляли на их развитие значительные средства. В частности, в конце 1918 г. Смоленским Губернским земельным отделом была составлена и подана на рассмотрение в Народный комиссариат земледелия «Смета на получение ссуд и пособий сельскохозяйственным трудовым коммунарам и артелям на 1-е полугодие 1919 г.». Согласно ей на поддержку коллективным хозяйствам губернии на указанный период выделялось 10 273 000 руб [7]. Однако, Народный комиссариат земледелия РСФСР рассмотрел эту смету и признал её «завышенной». В итоге на 1-е полугодие 1919 года Смоленщина получила вместо запрашиваемых 10

* © Якушев П.А.